

свои собственные слова о мудром и рачительном хозяине (царе Петре), против которого бунт — это грех, Яворский в другой проповеди выступает в защиту религии и церкви против нарушителей «заповедей божиих», т. е. против Петра: «Того ради не удивляйтесь, что многомятежная Россия наша доселе в кровных бурях волнуется; не удивляйся, что по толиких смятениях доселе не имамы превожделенного мира. Мир есть сокровище неоцененное; но тии только сим сокровищем богатятся, которые любят закон господень. Мир мног любящим закон господень и несть им соблазна, и кто закон божий разоряет, от того мир далече отстоит».⁶¹ И далее в проповеди Яворского возникает понятие «правды» как безусловного выполнения всех десяти заповедей: «Где правда, там и мир, правда и мир дело то изочтется, а где несть правды, там мира не найдешя; море, свирепое море — человеке законопреступный! почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши береги? берег есть закон божий воеже любити всем сердцем».⁶²

Характерно для строя мыслей Яворского то, что неподвижной системе его понятий, в центре которой помещается «закон», т. е. религия (вера), соответствует и методика аргументации, построенная на четком разграничении символов добра и зла. При этом любой предмет может стать знаком самого отвлеченного понятия, как в этой речи море стало символом человека-отступника от веры, а берег — символом религии.

У Прокоповича, убежденного сторонника петровских реформ и самого последовательного их апологета, в его проповедях представлена иная система понятий. Традиционные представления православного богословия соседствуют у Прокоповича с новыми правовыми представлениями о законе как социально-философском понятии, о месте этого «светского» научного понятия над всеми другими социальными институтами.

Отсюда то значение, которое Прокопович придает в своих проповедях правосудию, «правде», равенству граждан перед законом. Именно за соблюдение судебной правды Прокопович так восхваляет Петра: «Правосудие толикое есть, яко на престоле российскийском не человек, но самая правда сидети мнится. Кто ныне боится смерти или раны, защиту имея неподвижную? кто, немощен и убог сый, трепещет сильных крепости или богатых наваждения? Кому, аще и худейшему, страшно есть и ужасно благородие, преуспевание или достоинство?».⁶³

«Правда» как политическое понятие имеет свою долгую и интересную судьбу в русской публицистике XVI—XVII вв.⁶⁴

⁶¹ ЦГАДА, ф. 9, отд. 1, ед. хр. 31, л. 7 об.

⁶² Там же, л. 15 об.

⁶³ Ф. Прокопович. Слова и речи. СПб., 1760, ч. 1, стр. 7.

⁶⁴ См.: И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова и русская публицистика XVI—XVIII веков. — В кн.: Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в. (Ломоносовские чтения). Вып. 2—3. Казань, 1969, стр. 108—115.